

**БОЛЬШОЙ ТЕАТР ФОТОГРАФА КОСОРУКОВА
ВЫСТАВКА «ГЛЕБ КОСОРУКОВ.
ЗАНАВЕС» В МУЗЕЕ МОСКВЫ**

Ирина Ю. Чмырева

*Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ,
Москва, Россия, irinachmyreva@gmail.com*

Аннотация. Подчеркнута актуализация фотографических практик в музейной деятельности, приведены исторические параллели и выявлено новаторство фотографического проекта Глеба Косорукова.

Ключевые слова: фотография, Глеб Косоруков, Музей Москвы, выставка, Большой театр, репортаж, фотографический проект

Для цитирования: Чмырева И.Ю. Большой театр фотографа Косорукова. Выставка «Глеб Косоруков. Занавес» в Музее Москвы // *Academia*. 2020. № 3. С. 399–403. DOI: 10.37953-2079-0341-2020-3-1-399-403

**THE BOLSHOI OF THE PHOTOGRAPHER
KOSORUKOV. EXHIBITION *GLEB KOSORUKOV.*
CURTAIN IN MUSEUM OF MOSCOW**

Irina Yu. Chmyreva

*The Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts,
Moscow, Russia, irinachmyreva@gmail.com*

Abstract. Review on the exhibition of photographer Gleb Kosorukov in Museum of Moscow. The actuality of photographic presentations within the museum activity is emphasized. The review includes the historical parallels for Kosorukov's work and underlines the innovation of his photographic project.

Keywords: photography, Gleb Kosorukov, Museum of Moscow, exhibition, Bolshoi Theater, reportage, photographic project

For citation: Chmyreva, I. Yu. (2020), "The Bolshoi of the photographer Kosorukov. Exhibition *Gleb Kosorukov. Curtain* in Museum of Moscow" // *Academia*, 2020, no 3, pp. 399–403.

DOI: 10.37953-2079-0341-2020-3-1-399-403

Глеб Косоруков. Из проекта «Занавес». Москва, 2005. Цифровая фотография, пигментный отпечаток на хлопковой бумаге

Зритель знает Большой театр освещенным лампами «в тысячу свечей», блистательным и блистающим. Но, даже открыв запретные двери в глубине театральных фойе, обыкновенный наблюдатель не сделает шаг в них — так беспросветно темно впереди. Только привыкнув к полумраку за сценой, можно увидеть мерцающую вселенную. Войти туда может лишь посвященный.

Театр и фотография. Сама жизнь становится театром, как только появляется наблюдатель.

Театр с появлением фотографа не может измениться, он уже отражение отражений и карнавал внутри себя. Фотограф не равнозначен наблюдателю. Последнего видно, на его любопытство откликается магма жизни, вскипает, недовольная присутствием чужого. Фотограф невидим, растворен в привычном ландшафте так, что порой закрадывается сомнение, не состоит ли он в родстве с теми, кто не отбрасывает теней. Только тогда фотограф в театре в состоянии снимать тишину лабиринтов за сценой, тогда ему не мешают рассматривать детали, что примелькались своим, но до сих пор поразительны пришедшему извне человеку с камерой. Забыв приветствовать его сияющей сценической маской, фотографу выдается пропуск в среду театральных: улыбки для своих многозначнее и значительнее, в них полтона и обертоны весомее, чем сама формальность приветствия. Впрочем, из нюансов состоит вся жизнь за кулисами.

Когда театр забывает поворачиваться к камере парадной стороной, что блистает в лучах софитов, фотограф может внимательно рассмотреть его жизнь, невидимую иному наблюдателю, как обратная сторона Луны.

Кажется, там, в другом измерении, все начинается со звуков, приглушенных, будто для того, чтобы не помешать торжеству звучания сцены. Стук костяшек домино

Глеб Косоруков. Из проекта «Занавес». Москва, 2005. Цифровая фотография, пигментный отпечаток на хлопковой бумаге

в рабочий полдень подобен звукам кастаньет в репетиционном зале; гулу машинного отделения отзываются цеха и гримерные бубнящим, как в старые времена, радио; в перерыве слышно, как сученая нить туго протянута сквозь тяжелые ткани нового платья премьера; раздаются телефонные звонки в кабинетах администрации, и звучат в коридорах объявления о выходе на сцену; скрипят доски в балетном классе и шорох портьер; стаккато пуантов и повторы фраз на репетиции хора... в этом домашняя жизнь, пахнущая сложной композицией из пыли и труда, электричества и вечерних букетов, клея и красок... Когда-нибудь появится тот парфюмер, что, влюбившись в театр, создаст посвящение жизни за сценой. Внутренняя музыка театра уже давно превратилась в оперы и разошлась по фильмам. Документальные программы и книги, театральные сказки и конечно, фотография. Сколько ее было сделано в великих театрах... сколько приходили с камерами в Большой! Он, как магнит, притягивает контрастами между занавесом золотного шитья и аскетизмом сцены, между церемониальным театром для публики и повседневной жизнью его громадной коробки, подчиненной жестокой дисциплине.

В середине 2000-х в двери Большого вошел еще один человек с камерой, Глеб Косоруков, известный как «фотограф сцены современного российского искусства». Привычный к сотрудничеству с художниками, дизайнерами, перформансистами, для которых «жест» и «позиция» не столько метафоры творчества, но буквальное обозначение занятий искусством, Косоруков оказался в среде театральных изначально в положении свойском. То, что другим приходится учить, распознавать и вчитываться, для него — знакомый язык. Но даже обыкновенное — повседневность творческого процесса — предстало для него в необыкновенных обстоятельствах. Глеб попал в большую семью Большого на сломе эпох, накануне начала реконструкции исторического здания театра.

Накануне — символически заключено в образе занавеса, который раз за разом снимает Глеб, боясь упустить мгновение, когда он опустится, то срываясь вперед на старте за мгновение до смены декораций, то наблюдая последнюю дрожь драпировки только что завершившей движение. Занавес. Конец эпохи? Конец спектакля, и артисты на его фоне; следующий кадр — сложенный как знамя занавес, святыня армии, готовящейся покинуть свой лагерь.

Сколько раз снимали балетных Большого! Роберт Капа и брат его Корнель, Картье-Брессон и все, кто из агентства Магnum, Тайма, Лайфа приезжали в Советский

Глеб Косоруков. Из проекта «Занавес». Москва, 2005. Цифровая фотография, пигментный отпечаток на хлопковой бумаге

Союз... Сколько снимали для советских журналов и конкурсов из зала и в кулисах, будто не получая пропуска оказаться в недрах театра глубже (или не имея возможности покинуть собственное ментальное заточенье — мол, там, за сценой, нечего снимать) ... И фотографии новейшего российского времени, от Энтони Сwo и Сaши Мановцевой, от элегантных арабесок Алексея Кузьмичева к фотографиям Глеба Косорукова.

Известный своими ракурсами, умеющий монументализировать обычных мальчишек, играющих в героев Ренессанса, в Большом Косоруков отказался от театральности ракурсов, наоборот, сосредоточился на ускользающих мгновениях миманса. Почти репортаж. Документальность. Достоверность, возникающая из сродства предмета и хрониста. В этой съемке камера Глеба на уровне глаз, она подобна взгляду, случайно брошенному в приоткрытую дверь, проникающему в щель занавеса на сцену, взгляду, упавшему на ступени лестницы этажом ниже... Театр Глеба приобретает высоту и глубину, уходит в подземелья, где не ступала нога фотографа, под крышу, где своя жизнь, театр сопрягается в узкие коридоры и кубы гримерных, расширившиеся отражениями в зеркалах, в нем находится место для нор, спрятанных неизвестно где, проходных, уцелевших из советского прошлого, и странных, будто всегда в театре бывших, классов. В Большом Косоруков кажется присутствующим повсюду и нигде, случайно подсмотревшим, случайно услышавшим тысячи секретов этого огромного улья, дворца, града, население которого ткет золото, а на первых ролях примы и премьеры. Впрочем, они, оказавшись на снимках Косорукова, уравниваются с прочими — в его фотографии царит демократизм театра, когда любого рабочего принято называть по имени-отчеству,

Глеб Косоруков. Из проекта «Занавес». Москва, 2005. Цифровая фотография, пигментный отпечаток на хлопковой бумаге

а первых на сцене, как у Рабле в перевернутом мире карнавала, звать по домашнему прозвищу, а то с насмешкой, скрывая за свойским отношением восхищение дарами таланта.

Сюжеты снимков Косорукова, будь они хэштегами съемки, составили бы энциклопедию театральной жизни: партитура, репетиция, концертмейстер, станок, пуанты, хористы, режиссер, зеркало, костюмер, макетная, бутафоры, букет, оркестр, гримерная... А еще собрание маленьких зарисовок театральных примет и традиций, образков и жестов, замечочек и записок. И невероятная наэлектризованность коллективного тела театра... кто еще, как не фотограф, заметит обилие земных красоток, вырезанных из старых журналов, над рабочими столами тех, кто проводит всю жизнь в окружении проносащихся мимо сильфид и гордых валькирий?

Спустя тринадцать лет с тех пор, как была закончена съемка Глеба Косорукова в Большом, спустя годы, как историческое здание снова принимает зрителей, в этой выставке¹ возможно увидеть присущее театру право на чудо — жить в определенные времена и быть принадлежащим вечности. Множество деталей изменились, сравнивая со снимками Глеба «как было», можно оценить, сколь совершенен новый зал, и свет, и техника в театре, но... вместо ностальгии фотографии цикла «Большой театр» дарят прикосновение к магии живого. Эта коллекция — портрет коллективного тела, собрание портретов и историй людей и места, которые не могут быть ничем иным, как выражением природы театра, характера, духа. Духа сцены, витающего под колесницей Аполлона вне дат, вне времен. И те же снимки — важнейшее новое приобретение Музея Москвы, сохраняющего визуальную историю Москвы театральной.

Информация об авторе

Ирина Ю. Чмырева, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств, Москва, Россия; 119034, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; irinachmyreva@gmail.com

Author Info

Irina Yu. Chmyreva, Cand. of Sci. (Art history), leading researcher, The Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; 21, Prechistenka St, 119034 Moscow, Russia; irinachmyreva@gmail.com

¹ Выставка состоялась в Музее Москвы 24 ноября — 16 декабря 2018 г.